

УДК 811.161.1'373:811.581.11:23

DOI 10.52928/2070-1608-2026-78-2-86-90

**СОРОКА И ВОРОНА В АССОЦИАТИВНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КИТАЙЦЕВ
И РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЕЛОРУСОВ****КАН ЖОШИ***(Белорусский государственный университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1419-0331>

Настоящая статья посвящена изучению и сравнению ассоциативных полей зоонимов «сорока» и «ворона» в языковой картине мира китайцев и русскоязычных белорусов через лингвокультурологический и психолингвистический подходы. Исследование основано на ассоциативных экспериментах, проведенных в 2021–2023 годах, в которых приняли участие 1200 человек, по 600 от каждой группы носителей. Результаты исследования выявили фундаментальные различия в восприятии данных птиц. Автор анализирует историческую трансформацию образов этих птиц в культурах двух народов для поиска причины таких расхождений. Статья доказывает, что анализ ассоциативных реакций является эффективным инструментом выявления национально-культурной специфики языковой картины мира и имеет практическую ценность для улучшения межкультурного диалога.

Ключевые слова: зоонимы, ассоциативное представление, языковая картина мира, лингвокультурология.

Введение. Ассоциация – закономерно возникающая связь между отдельными событиями, фактами, предметами или явлениями, отражёнными в сознании индивида и закреплёнными в его памяти. При наличии ассоциативной связи между психическими явлениями *A* и *B* возникновение в сознании явления *A* закономерным образом влечёт появление в сознании явления *B*. По мнению Ф. Крамера, «для некоторых исследователей выявление привычных ассоциаций родного языка является лишь первым шагом в изучении других когнитивных процессов... Другие больше интересуются ассоциациями как таковыми, основываясь на мнении, что ассоциации сами по себе отражают базовые свойства интеллекта и его мыслительных процессов» [1, с. 2]. Вот почему исследование ассоциативных представлений помогает обнаружить объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов.

Лексикографическая презентация ассоциативно-вербальных сетей двух языков предоставляет уникальную возможность для сопоставления различных языковых картин мира. Этот процесс позволяет не только выявить общие черты и различия между культурами, но и глубже понять, как разные языки отражают мировосприятие и оценку окружающей действительности. Анализ таких сетей помогает осветить особенности национального языкового сознания, выявляя, как исторические, культурные и социолингвистические факторы формируют уникальные представления о мире в каждом языке [3, с. 125].

В последние годы исследования в области ассоциативных экспериментов и зооморфных метафор стали одним из приоритетных направлений в китайском и белорусском языкознании. Теоретический фундамент подобных сопоставлений заложен в трудах таких исследователей, как Ю.Н. Караулов и Н.В. Уфимцева. Специфика же белорусского языкового сознания нашла отражение в работах А.П. Клименко, А.И. Титовой, Б.Ю. Нормана, А.М. Калюты. Китайские лингвисты Чжао Цюе и Чэнь Мэйюй, опираясь на материалы «Русского ассоциативного словаря», исследовали ассоциативные поля соматизмов (2013) [4]. М.А. Гаврилюк опубликовала в Китае диссертацию «Зооморфная метафора в китайском и русском языках: когнитивный аспект» (2017) [5]. В белорусской науке также активно разрабатывается данная проблематика: стоит отметить работы А.М. Калюты по русско-турецким фразеологизмам (2008) [6], О.В. Лапуновой по метафорике во французском и русском языках (2020) [7], а также недавнее исследование аспиранта Лю Сюаньэр, посвящённое образу змеи в китайской и белорусской мифологии (2024) [8].

Однако несмотря на имеющиеся работы, объектом которых стали зоонимы, в современной лингвистике до сих пор отсутствовало комплексное сопоставительное исследование ассоциативных полей зоонимов китайцев и русскоязычных белорусов на материале массового свободного ассоциативного эксперимента. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью восполнить этот пробел. Выбор орнитонимов «сорока» и «ворона» в качестве основного объекта анализа продиктован результатами предварительного этапа эксперимента, выявившего их яркую национально-культурную маркированность, а также существенную семантическую асимметрию в китайской и белорусской лингвокультурах. В условиях интенсификации белорусско-китайского стратегического партнёрства и расширения образовательных обменов выявление подобных этнокультурных различий необходимо для оптимизации межкультурной коммуникации, а также для совершенствования практики лингводидактики и переводоведения.

Основная часть. Нами в 2021–2023 годах для уяснения разницы в лексическом ассоциировании зоонимов китайцами и белорусами проводился свободный ассоциативный эксперимент в китайской и русскоязычной аудиториях. Было опрошено около 1600 человек. Для корректности сравнения отобрано 1200 анкет, по 600 для обоих языков. Эксперимент проводился в двух формах: с использованием письменного анкетирования и онлайн-опросов. В каждой анкете респондентам предлагалось записать первые слова или фразы, которые приходили им в голову при восприятии указанных в анкете зоонимов.

В данной статье представлены результаты эксперимента со словами *сорока* и *ворона*. В обыденном сознании китайцев и белорусов эти две птицы стоят рядом, поскольку обе птицы – распространённые обитатели населённых пунктов в Китае и Беларуси. Эта данность находит подтверждение в результатах нашего эксперимента. Так, в ассоциативном поле белорусов на стимул *сорока* реакция *ворона* зафиксирована 48 раз, на стимул *ворона* реакция *сорока* встречается 5 раз. В ассоциативном поле китайцев на стимул *喜鹊* ('сорока') реакция *乌鸦* ('ворона') зафиксирована 6 раз, на стимул *乌鸦* ('ворона') реакция *喜鹊* ('сорока') – 4 раз. Распределение оценочных коннотаций образов этих птиц в языковых картинах мира китайцев и русскоязычных белорусов следующее:

Слова-стимулы	Тип коннотации	Китайцы, %	Белорусы, %
Сорока	Положительная	92%	6%
	Нейтральная	0,01%	71%
	Негативная	7,99%	23%
Ворона	Положительная	5%	9%
	Нейтральная	29%	74%
	Негативная	66%	17%

Сопоставительный анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о существенной семантической асимметрии. Для китайских респондентов образ сороки характеризуется абсолютным доминированием положительной оценки, тогда как в сознании белорусов преобладает нейтральное восприятие при наличии заметной доли негативных реакций. Что касается образа вороны, то положительные коннотации минимальны в обеих лингвокультурах; однако если у китайцев превалирует негативная оценка, то у белорусов — нейтральная.

У китайцев в АП *сорока* зафиксировано 126 разных ассоциатов. Реакции с положительной коннотацией концентрируются вокруг двух ключевых семантических компонентов: «хорошая новость» и «любовь». К первому компоненту относятся такие реакции, как *报喜* ('сообщать радостную весть') 79, *好事* ('благое дело') 75, *好运* ('удача') 41 и др. Ко второму компоненту относятся реакции *七夕* ('Циси, китайский День влюбленных') 9, *爱情* ('любовь') 8 и др.

В ассоциативном поле русского слова-стимула *сорока* есть 167 ассоциатов. Выделяется группа из 21 реакций, актуализирующая сему «блестящие предметы»: они встречаются в общей сложности 130 раз: *золото* 25, *блеск* 25, *украшение* 17, *драгоценность* 14, *блестящее* 10 и т.д. Несмотря на то, что данные реакции сами по себе обладают нейтральной или положительной коннотацией, глубинный анализ структуры поля показывает иную картину. С этой тематической группой тесно связан кластер ассоциатов, имеющих ярко выраженную негативную окраску и отсылающих к понятию «хищение»: *воровка* 40, *вор* 7, *воровство* 7, *кража* 5 и др. Суммарная частотность данной группы составляет 63 единицы. Кроме того, в ядре образа сороки присутствует еще один негативный компонент. В анкетах зафиксировано 12 слов, связанных с шумом и распространением ложной информации: *сплетня* 16, *болтовня* 4, *болтливый* 4, *болтливость* 3, *шум* 2 и др. Таким образом, хотя формально большинство реакций белорусов можно классифицировать как нейтральные, детальный анализ ассоциативных связей вскрывает доминирование скрытой негативной оценки в структуре образа птицы.

В китайском АП стимула *乌鸦* ('ворона') выявлено 122 различные реакции. 66% негативных ассоциаций можно разделить на две категории: «чёрный цвет с отрицательной семантикой» и «неудача». Примеры реакций: *霉运* ('невезение') 102, *不祥* ('зловещий/недобрый знак') 74, *坏事* ('дурное дело') 26, *漆黑* ('кромешная тьма') 10, *黑漆漆* ('мрачный') 2, *黑乎乎* ('чёрный, грязный') 2.

Среди нейтральных реакций в обоих выборках преобладают соматизмы и обозначения локаций. Например, есть общие реакции: *крылья*, *ветка*, *чёрный* и др. Особого внимания заслуживает группа текстовых ассоциаций, отсылающих к литературным, фразеологическим и другим текстам. Например, в белорусском поле на стимул *ворона* получена реакция *и сыр* 4, а на стимул *сорока* реакции *белобок* 59 и *сыр* 14. В китайском поле на стимул *喜鹊* ('сорока') зафиксирована идиома *鸠占鹊巢* ('голубь занимает гнездо сороки') 4, а на стимул *乌鸦* ('ворона') – прецедентное название басни *乌鸦喝水* ('ворона пьет воду') 9.

Опираясь на эти данные, мы полагаем, во-первых, и китайцы, и белорусы часто соотносят ворону с сорокой. Для белорусов это объясняется, возможно, тем, что ворона и сорока, кроме общих мест обитания рядом с людьми, имеют схожие повадки. А для китайцев причина в том, что сорока в китайской культуре символизирует счастье, а ворона – несчастье. Антитеза *счастье/несчастье*, таким образом, совпадает с символическим представлением о птицах. Во-вторых, существует большая разница в национальной психологии восприятия сороки и вороны у китайцев и белорусов. Причины такого различия будут проанализированы далее.

Как указывают источник «早期中国的乌鸦形象» («Вороны в раннем Китае»), вороны были божественными птицами в древнем Китае. У вороны в природе только две лапы, но в документах доциньской и ханьской династий часто встречаются записи о «трёхлапых воронах». Образ «Трёхлапой вороны» имеет две линии передачи: одна – божественная птица, связанная с солнцем, а другая – посланница рядом с королевой-матерью Запада. (Королева-мать Запада (西王母, Си Ванму) – это важная фигура китайской мифологии и даосской традиции. Она считается одной из наиболее почитаемых богинь, связанной с бессмертием, долголетием и западной частью мира).

Несмотря на то, что между этими двумя линиями не так много связей и каждая из них имеет свое собственное происхождение, обе они представляют высокий статус вороны в сердцах древних китайцев [10, с. 50]. Этот священный образ вороны до сих пор сохраняется в представлениях небольшого числа людей. В анкетах была ассоциация 太阳神鸟 «Солнечная божественная птица».

Как пишет китайский исследователь истории Цзы Гэ, во времена династии Хань концепция управления заключалась в том, чтобы управлять государством с сыновней почитательностью. За исключением двух императоров-основателей все императоры династии Хань были отмечены знаком слова «сыновняя почитательность» в их храмовых именах [10, с. 55]. Ещё установлена система отбора государственных служащих на основе сыновней почитательности. В такой политической среде ворона находится благодаря своему высокому религиозному статусу и природным качествам: когда вороны вырастают, они кормят своих матерей. Поэтому народ создал вороне новый образ «сыновней птицы» [18, с. 49]. Это также отражено в результатах наших экспериментов: 反哺 3 'вороны знают почитание родителей, кормя их в старости', 忠孝 1 'преданность (государю) и сыновняя почитательность (к родителям)'.

Упомянутые выше образы вороны «трёхлапая птица» и «сыновняя птица» имеют гуманистическое значение, а установление их образов связано с общественными представлениями и нравственностью. Природные атрибуты вороны были изучены слабо. С постепенным повышением производительности труда углубляются познание и понимание людьми природных явлений, и поклонение солнцу постепенно отмирает. Описаний природных атрибутов вороны становится всё больше. Вороны любят есть протухшее мясо: на древних полях сражений вороны поедали трупы воинов, отдавших жизнь за страну; люди умирают, их тела гниют, привлекая ворон. Эта ситуация постепенно сложила в сознании людей стереотип: ворона символизирует смерть. Со временем отвращение к вороне превзошло первоначальное обожание и любовь к ней, и образ вороны превратился в культурное табу. С точки зрения культурной антропологии возникновение табу происходит из-за беспокойства людей по поводу смерти и боли. После династии Сун табу на ворону стало в Китае обычным культурным явлением [16, с. 50]. По нашим данным, 43% реакций китайцев связаны с несчастьем и смертью: 倒霉 'не везёт' 45, 不祥 'неблагоприятный' 31, 厄运 'бедствие' 24, 不吉利 'несчастливый' 17, 晦气 'невезение' 17, 不幸 'неудача' 10, 坏事 'плохие дела' 9, 霉运 'несчастье' 7, 报丧 'известие о смерти' 5, 凶兆 'дурной знак' 5, 不吉祥 'неблагоприятный' 4, 灾难 'бедствие' 4, 死亡 'смерть' 3 и т.д.

Среди китайских идиом и поговорок, связанных с вороной, известны следующие: 乌合之众 'собираются как вороны' – это сброд, неорганизованная толпа; 天下乌鸦一般黑 'все вороны в мире одинаково черны' – порочные, злые люди одинаково плохи во всем мире, повсюду; 鸦雀无声 'не слышно ни вороны, ни воробья' – очень тихо. В этих идиомах и поговорках ворона всегда коннотативно отрицательно окрашена, например, в идиоме 鸦雀无声 звуки вороны и воробья считаются шумными и бесполезными.

Таким образом, в китайской культуре и истории образ вороны претерпел заметные изменения от «счастливого» к «зловещему». Это преобразование не только отражает понимание природы и животных древними людьми, но также тесно связано с развитием социальной культуры, религиозных верований и народных традиций. Данный переход иллюстрирует сложные чувства китайцев по отношению к вороне как к живому существу и показывает глубокое влияние изменений культурного контекста на символику животных.

В то же время, в отличие от вороны, образ сороки в китайской истории претерпел изменения совершенно противоположные – от «зловещего» к «счастливому».

Сорока, в древности называемая «鹊», – это птица, широко распространённая в Китае. Она обычно выбирает для гнездования высокие деревья, а её гнёзда большие и прочные, что делает их весьма заметными. В ранней культуре сорока не имела ярко выраженного положительного или отрицательного значения. Однако начиная с эпохи династий Восточной Хань, образ сороки постепенно приобрел негативное значение. Согласно записям 后汉书» (Книга Поздней Хань) [19], в конце эпохи Восточной Хань на солнце появились черные пятна, которые сравнили с группой сорок. С точки зрения современной науки, это всего лишь природное явление, но в древности для людей, не обладавших развитыми технологиями и представлениями, необычные небесные явления часто воспринимались как символ воли богов. Черные облака, закрывающие солнце, вызывали беспокойство и страх у людей. В это время началось Восстание «желтых повязок», и данное небесное явление рассматривалось как предвестие бедствий, что подтверждало негативное представление о сороке в то время.

Образ сороки как знака удачи начал формироваться в период династии Тан. В сборнике эссе Дуань Чэнши «酉阳杂俎» говорится: «俗言见鹊上梁必贵» (По народной примете, увидеть сороку на балке дома – значит стать богатым). В историческом сборнике эссе Ван Жэнью «开元天宝遗事» также упоминается выражение «灵鹊报喜» 'Шустрая сорока сообщает хорошую новость'. К тому времени образ сороки, приносящей хорошую весть, уже стал доминирующим. В исторической книге «Старая книга Тан» в сто тридцать шестом разделе впервые появляется слово 喜鹊 'сорока' [20, с. 3748]. Таким образом, начиная с династии Тан, словосочетание 喜鹊 начинает использоваться как единое целое. И иероглиф «喜» в названии сороки означает «хорошие, весёлые». После этого слово «喜鹊» стало широко появляться в различных стихах и статьях, что знаменует собой завершение трансформации образа сороки в языковой картине мира китайской нации от зловещего к благоприятному [21, с. 90].

В наших анкетах встретилась ассоциация 声名鹊起 'Репутация и известность быстро растут, словно сорока (символ удачи) взлетает вверх'. Образ сороки в этой идиоме – диаметрально противоположность образу вороны

в идиоме 鸦雀无声 ‘не слышно ни вороны, ни воробья’, то есть сорока считается благоприятным символом. Кроме того, в китайском фольклоре каждый год на праздник Циси (аналог дня Святого Валентина) все сороки мира прилетают к реке на небе, чтобы построить сорочий мост и помочь разлученным Пастуху и Ткачихе встретиться, поэтому в китайской культуре сорока часто символизирует счастье, любовь и свадьбу. В анкетах были соответствующие этому ассоциации: 爱情 ‘любовь’ 8, 七夕 ‘праздник Ци Си’ 8, 结婚 ‘свадьба’ 7, 牛郎织女 ‘Нянь Цзинь и Чжинь Нюй’ 5, 鹊桥 ‘мост сорок’ 4 и т.д. Древние китайцы считали, что пение сорок в течение всего года всегда одинаково. Мудрецы по традициям конфуцианства должны вести себя, как сороки – как постоянные, уверенные, настойчивые и не изменяющиеся с начала до конца жизни. Поэтому конфуцианство часто просит людей учиться у сорок и рассматривать сороку как некий образец для мудрецов. В анкетах как раз была ассоциация 圣贤 ‘святые’ 2. Образ сороки также часто появляется в литературных произведениях, таких как традиционная китайская живопись ‘喜鹊登梅’ («Сороки сидят на ветках сливы, значит произойдёт что-то хорошее»).

Можно сказать, что в традиционной китайской поэзии, легендах, во фразеологии и паремиологии, в других культурных носителях, которые могут отражать китайское национальное сознание и языковую картину мира китайцев, сорока символизировала счастье с древнейших времён до настоящего времени.

В европейской культуре, напротив, к сороке относятся скорее негативно. В русском языке есть фразеологизм «сорока на хвосте принесла». Здесь сорока связывается с образом говорливой, ворчливой женщины или сплетницы. В АП слова *сорока* реакция *хвост* зафиксирована 8 раз. Эта ассоциация, скорее всего, вызвана данным фразеологизмом. Помимо этого, имеются ещё такие ассоциации, отражающие данную характеристику сороки: *новость* 20 (*новости* 11), *сплетня* 16 (*сплетни* 14), *разговор* 5 (*разговоры* 1), *болтовня* 4 и т.д. Как показывают результаты нашего эксперимента, в сознании носителей русского языка живёт представление о том, что сороки неравнодушны к блестящим предметам, которые они часто тащат в своё гнездо. Например, в анкете были реакции: *золото* 25, *блеск* 25, *украшение* 17 (*украшения* 15), *драгоценность* 14 (*драгоценности* 3) и др. Поэтому птица в народе получила прозвище «сорока-воровка» (Кроме названия повести А.И. Герцена, вспомним оперу итальянца Джоаккино Россини «Сорока-воровка, или опасность судить по наружности»). В АП слова *сорока* реакция *воровка* как текстовая ассоциация зафиксирована 40 раз.

Сорока в белорусских народных представлениях – нечистая птица, потому что создана чёртом и служит ему. Говорят, что знающие хозяева, как указывает «Энциклопедия славянской культуры...», вешали в конюшне убитую сороку, чтобы чёрт на ней ездил, а коней оставил в покое [22].

У славян ворона тоже пользуется недоброй славой. Как и у китайцев, считалось, что карканье вороны вблизи жилища кличет беду, даже смерть. Плохой приметой было услышать карканье вороны перед тем, как отправиться в дорогу. Кроме того, известно, что вороны любят протухшее мясо. Может быть, это ещё одна причина, по которой птица обычно ассоциируется у человека с опасностью. В древности вороны часто сопровождали опасных хищников. Даже сегодня опытные охотники могут судить о присутствии опасности в лесу по тревожным крикам вороны.

Тем не менее, символика вороны неоднозначна. Как птицы-падальщики, вороны стали ассоциироваться с мёртвыми и заблудшими душами и получили мифический статус. Учёные доказали, что ворон живёт от 30 до лет. Это умная птица. Во многих русских сказках как “говорящая” птица ворона и ворон также олицетворяют пророчество, мудрость и понимание. В анкетах были ассоциации *мудрость* 4, *умная* 4, *хитрая* 4, *ум* и др. В русском языке есть поговорка *Старый ворон не каркнет мимо*. Она характеризует человека, который имеет опыт и не допускает ошибок в своей области. В истории России войны с внешним врагом случались очень часто. Из-за отсутствия транспорта и связи войска страдали от ударов противника. Позже солдаты обнаружили: где мертвецы, там и вороны, и использовали это, чтобы обнаружить врага, защитить армию от внезапного нападения. Поэтому зафиксированы реакции *скорбь*, *смерть* 12, *страх* 4, *опасность* 2 и т.д. [22, с. 14].

Анализируя разницу между культурной символикой вороны и сороки в ассоциативном представлении китайцев и русскоязычных белорусов, мы обнаружили, что китайцы придают большое значение традициям: как только чему-то придаётся определённый смысл, атрибуты самой вещи размываются. Это происходит из-за того, что китайцы обратили внимание на связь между людьми и птицами, но игнорировали характеристики самих птиц. Белорусы относительно независимы и больше внимают собственным представлениям, интересуются атрибутами собственно вещей. Сорока часто ассоциируется с болтливостью и воровством. Но в АП слова сорока реакция *белобока* зафиксирована больше всего – 59 раз. Это отголосок известной русской детской сказки-загадки «Сорока-белобока», которая остаётся одним из наиболее узнаваемых и любимых элементов фольклорного устного творчества. Ворона также означает несчастье у белорусов, но это не влияет на оценку людьми её интеллекта. 6% ответов связаны с дурной вестью, предзнаменованием, смертью: *скорбь*, *смерть* 12, *страх* 4, *опасность* 2 и др. Но также почти 6% ассоциируют ворону с умом: *ум*, *умная* 4, *мозг*, *мудрость* 4, *умница* и др.

Заключение. Данное исследование посвящено изменению образов вороны и сороки в китайской истории и их культурному значению, а также анализу сложных образов этих животных в русском сознании. Исследование показывает, что контекст слов *ворона* и *сорока* в русском и китайском языках имеет как определённые сходства, так и национальные особенности. С этой точки зрения ассоциативные реакции носителей языка помогают лучше понять национально-культурный фон зоонимов, а также раскрыть символику восприятия природы. Анализ этих ассоциаций позволяет исследовать роль языка в формировании представлений о животных и их символическом значении, а также выявить особую связь языка и мышления. Кроме того, для изучающих иностранный язык это исследование может способствовать углублению понимания культурной идентичности, социальной структуры и моральных ценностей другого народа, совершенствуя межкультурную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cramer Ph. Word Association. – New York; London: Academic Press, 1968. – 178 p.
2. Соколова М.В. Семантические особенности зоосемических фразеологизмов марийского языка (на материале ассоциативного эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3, ч. 2. – С. 175–178.
3. Казакова Н.Н., Лю С. Психолингвистический подход к изучению зоонимического кода (в билингвальном аспекте) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 125–127. – DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.04.09>.
4. 赵秋野, 陈美玉. 从俄语面部器官词联想场看语言意识的民族文化特点[J]. 中国俄语教学. – 2013 – № 32(04). – С. 38–41.
5. MARINA (赵琳娜) G. 俄汉语动物隐喻的认知研究[D]. 武汉大学, 2017, – 194 с.
6. Калюта А.М. Русские и турецкие фразеологизмы с зоонимическим компонентом // Вторые чтения, посвящ. памяти проф. В.А. Карпова: сб. материалов / редкол: А.И. Головня (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2008. – С. 91–98.
7. Лапунова О.В. Метафорические смыслы зоонимов во французском и русском языках // Сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 20 нояб. 2020 г. В 5 т. – Т. 1 / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2020. – С. 82–85.
8. Лю Сюаньэр. Возникновение культа божеств воды и изменение образов водных божеств в китайской мифологии // София: электрон. науч.-просв. журн. – 2022. – № 1. – С. 40–45. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/279019/1/Sofia-2022-fin.pdf>.
9. Калюта А.М. Словарь ассоциативных норм турецкого языка. – Минск: БГУ, 2014. – 207 с.
10. 陈彬彬. 早期的中国乌鸦形象[J]. 国学学刊. – 2018. – № 3. – С. 49–57.
11. 惠慧. 俄汉语动物词文化内涵差异对比研究[J]. 当代教育实践与教学研究. – 2017. – № 11. – С. 186–187.
12. 韩璐. 俄汉语中有关动物谚语寓意的比较分析[J]. 语文学刊(外语教育教学). – 2013. – № 4. – С. 23–24.
13. Хавлакшим Н., Бардамова Е. А. Результаты ассоциативного эксперимента со стимулом уул 'гора' // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2020. – № 4(78). – С. 85–95.
14. 陈正洋. 中西谚语中动物词的内涵对比[J]. 文化创新比较研究. – 2020. – № 4(30). – С. 163–165.
15. 周晓燕, 杜真强, 孙占兴. 黑龙江动动生语的图像明是研究[J]. 哈尔滨学院学报. – 2017. – № 4(38). – С. 94–97.
16. Донов О.В. Сопоставление символов в культурной семантике китайских и русских словосочетаний // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3(15). – С. 78.
17. 王丛民, 宋小华. 有关动物的俄语谚语的俄译汉翻译方法初探[J]. 教育教学论坛. – 2017. – № 15. – С. 86–87.
18. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D]. 山东大学. – 2018.
19. 范晔. 后汉书[M]. 北京: 中华书局. – 1973.
20. 刘昉等. 《旧唐书》卷一三六《窦参附从子申传》. 北京: 中华书局. – 1975. – 5407 с.
21. 夏炎. 转凶为吉: 环境史视野下的古代喜鹊形象再探讨[J]. 南开学报(哲学社会科学版). – 2013. – № 4. – С. 89–97.
22. Кононенко А.А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. – Харьков, 2013. – 1920 с.
23. 吴丹. 含动物形象的俄语谚语、俗语分析[D]. 天津外国语学院. – 2007. – 58 с.
24. Пилюткевич П.А. Зооморфизмы в составе пословиц и поговорок // Сб. ст. и тез. XI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2017 г.). В 7 ч. – Ч. 6 / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2018. – С. 119–124.
25. 章磊. 浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J]. 俄语学习. – 2018. – № 6. – С. 10–15.
26. Кравцов Н.Н. Славянский фольклор. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 262 с.
27. Бичер Омер. Русские пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом на фоне турецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Смолен. гос. ун-т. – Смоленск, 2015. – 22 с.

Поступила 07.10.2025

THE MAGPIE AND THE CROW IN THE ASSOCIATIVE REPRESENTATIONS OF CHINESE AND RUSSIAN-SPEAKING BELARUSIANS

KANG RUOSHI
(Belarusian State University, Minsk)

This article explores and compares how Chinese speakers and Russian-speaking Belarusians conceptualize the 'magpie' and 'crow', employing linguacultural and psycholinguistic methods. The study is based on an associative experiment from 2021–2023 with 1200 participants, 600 from each linguistic group. The findings show fundamental differences in how these birds are perceived. To explain these discrepancies, the authors analyze the historical evolution of the birds' cultural images in both nations. The paper argues that analyzing associative responses is an effective method for revealing culturally specific features of a linguistic worldview and holds practical value for enhancing intercultural communication.

Keywords: magpie, associative representation, linguistic worldview, cultural linguistics.